

Краткая история

АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРА ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ И КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА ДО 1776 ГОДА	3
ЗАРОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И ПИСАТЕЛИ ПЕРИОДА ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1776–1820 ГГ.)	11
ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 ГГ. ЭССЕИСТЫ И ПОЭТЫ	19
ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 ГГ. ПРОЗА	26
ПОДЪЕМ РЕАЛИЗМА (1860–1914 ГГ.)	33
МОДЕРНИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТАТОРСТВО (1914–1945 ГГ.)	41
АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ ПОСЛЕ 1945 Г.: АНТИ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ	52
АМЕРИКАНСКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕ 1945 Г.: РЕАЛИЗМ И ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ	63
ГЛОССАРИЙ	75

ИЗДАНО ИНФОРМАЦИОННЫМ
АГЕНТСТВОМ США

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ

АВТОР: КЭТРИН ВАН СПЭНКЕРЕН
ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
ХАУАРД СИНКОТТА И ДЖОРДЖ КЛЭК
РЕДАКТОР ТЕКСТА: КЭТЛИН ХАГ
РЕДАКТОР-КОНСУЛЬТАНТ:
МАЙКЛ ДЖ. БЭНДЛЕР

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ: © 1994 Г.,
КРИСТОФЕР ЛИТТЛ

ОБ АВТОРЕ

Д-р Кэтрин ван Спэнкерен – профессор английского языка в Университете г. Тампы, где преподает американскую литературу, литературное творчество женщин и стихосложение; автор книг «Маргарет Этвуд: образы и формы» (1988 г.) и «Джон Гарднер: критический взгляд» (1982 г.), а также многочисленных статей и стихов; выезжала с лекциями об американской литературе в Европу, Азию, Африку и Латинскую Америку; с 1993 по 1995 г. была содиректором летних курсов американской литературы Информационного агентства США..

ГЛАВА

1

ЛИТЕРАТУРА ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ И КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА ДО 1776 ГОДА

Истоков американской литературы стоят мифы, легенды, сказки и лирика (как правило, песни) индейцев, бытовавшие в рамках устной традиции. До появления в Северной Америке европейцев на континенте существовало более 500 племенных культур и индейских языков, однако письменной литературы еще не было. Этим объясняется богатство и разнообразие устной литературной традиции коренного населения Америки. Повествования полукочевых охотничьих племен типа навахо отличаются от историй, рассказываемых в среде оседлых земледельческих племен типа пуэбло, населяющих Акому; сюжеты, распространенные среди племен, селившихся на севере, по берегам озер, как оджибве, часто коренным образом отличаются от сюжетов, рассказываемых среди племен, проживавших, подобно хопи, в пустынях.

Каждое из племен практиковало свою собственную религию – культы богов, животных, растений или священных существ. Система правления варьировалась от демократии до совета старейшин или теократии. Эти племенные отличия также отразились в устной литературе.

Тем не менее, мы можем сделать некоторые обобщения. Индейские сюжеты исполнены почтительности к природе, выступающей матерью всего сущего как духовно, так и физически. Природа мыслится одушевленной и наделяется духовными силами; главными героями этих повествований могут выступать животные или растения, часто являющиеся тотемами племени, группы или личными тотемами. Наиболее близко к подобному пониманию священного из американских писателей уже в иную эпоху подошел Ральф Уолдо Эмерсон с его концепцией «сверхдуши», охватывающей все сущее.

Мексиканские племена почитали бога Кецалькоатля, божество толтеков и ацтеков, при этом сказания о верховном божестве или боге, обучающем людей культуре, встречаются и у других народов. Однако у индейцев не сложилось сколько-нибудь пространных унифицированных циклов, повествующих о едином верховном божестве. Ближайшим эквивалентом духовных повествований Старого света являются широко распространенные описания шаманских инициаций и путешествий шаманов в иных мирах. Кроме этого, встречаются повествования о культурных героях, таких, как Манабозо у

племени оджибве или Койот у навахо. Отношение к этим героям-плутам варьируется от истории к истории. В одном рассказе они могут выступать истинными героями, тогда как в другом предстают себялюбцами или глупцами. Хотя в прошлом ряд крупных ученых, в частности, швейцарский психолог Карл Густав Юнг, подчеркивали, что в повествованиях о похождениях плутов нашли выражение глубинные аморальные слои человеческой души, современные ученые – среди них есть и индейцы по происхождению – указывают, что и Одиссей, и Прометей, эти вполне «почитаемые» герои греческой мифологии, по сути являются плутами.

В литературе американских индейцев можно найти почти все устные повествовательные жанры: лирику, песни, мифы, волшебные сказки, забавные анекдоты, заклинания, загадки, пословицы, эпос и легенды. Обильно представлены повествования о переселениях племен и предках, так же как песни-видения или исцеляющие заклинания и мифы о плутах. Особой популярностью пользуется ряд мифов о сотворении мира. В одном из известных мифов такого рода, рассказываемых с некоторыми вариациями у разных племен, мир покоится на черепахе. Так, в версии чейеннов, у бога-творца Махео было четыре возможности создать мир из вселенной, где существовали одни только воды. Он послал четырех водоплавающих птиц, чтобы они нырнули и принесли ему со дна шепоть земли. Северный гусь, полярная гагара и дикая утка поднялись в высь небес и ринулись оттуда вниз, но не смогли донырнуть до дна; крошечная же лысуха, которая не может летать, принесла в клюве комок грязи. Лишь одно создание, скромная Бабушка Черепаха подходило для того, чтобы поддерживать мир, который Махео расположил на ее панцире – отсюда происходит название Америки у индейцев – «Черепаший остров».

Песни или поэзия, как и произведения повествовательных жанров, варьируются от священных до развлекательных и юмористических: мы имеем дело с колыбельными, военными и любовными песнями, особыми песнями для детских игр, а также для различных обрядов – игровых, хоровых, магических или танцевальных. В основном эти песни построены на повторе. Короткие песни-стихотворения, возникшие в состоянии транса, порой отличаются ясностью образов и утонченностью, напоминающими японскую танку или поэзию имагис-

тов, проникнутую восточным влиянием. В одной из песен индейцев-чиппева поется:

Я думал, что это гусь,
А это был плеск
Весла
Возлюбленной моей.

(Пер. А. Нестерова)

Песни-видения, чаще всего довольно короткие, обладали четкими признаками формы. Возникшие во сне или в состоянии транса, при этом довольно часто – спонтанно, они могли быть и заклинанием против болезни, и охотничьей или любовной песней. Часто такая песня воспринималась как неразрывно связанная с личностью своего создателя. Такова, например, следующая песня индейца из племени модок:

Я
Песня
Я иду здесь.

(Пер. А. Нестерова)

Устная традиция индейцев и ее связи с американской литературой в целом покуда остаются наиболее обещающей и наименее исследованной областью американистики. Америка обязана индейцам гораздо больше, чем это принято думать. Обыденный английский американцев впитал в себя сотни индейских заимствований: «каное», «табак», «мокасин», «томагавк», «тотем» и др. Произведения, созданные американскими писателями индейского происхождения уже в наше время, рассматриваются в 8-й главе. Некоторые из них отличаются редкой красотой.

ЛИТЕРАТУРА ОСВОЕНИЯ АМЕРИКИ

Обернись история по-другому, США легко бы могли стать частью великой испанской или французской морской империи. Нынешние жители империи говорили бы по-испански и составляли одну нацию с мексиканцами, или по-французски – и образовывали бы единое пространство с франко-канадскими провинциями Квебек и Монреаль.

При всем том, первыми исследователями Америки были вовсе не англичане, испанцы или французы. Самые ранние сведения о посещении континента европейцами мы находим в скандинавских языках. Написанная на древнеисландском «Сага о Виноградной стране» (под этим условным названием в англоязычных странах фигурируют две исландские саги: «Сага об Эрике Рыжем» и «Сага о гренландцах». – Прим. пер.) повествует о том, как искатель приключений Лейф Эрикссон с отрядом скандинавов высадился и какое-то время жил на северо-восточном побережье Америки – возможно, в районе нынешней Нова Скотиа (Новой Шотландии) в Канаде, основав там поселение. Это происходило в первом десятилетии XI века, почти за 400 лет до того, как произошло следующее зафиксированное открытие Нового Света европейцами.

Тем не менее, первый исторически засвидетельствованный и имевший последствия контакт населения Америки с остальным миром отсчитывается от знаме-

нитой экспедиции Христофора Колумба, итальянца по происхождению, финансирование которой взяли на себя Фердинанд и Изабелла Испанские. Дневники Колумба, включенные в его «Послание об открытии Нового Света», опубликованном в 1493 г., отражают драматизм его путешествия – ужас команды, боявшейся чудовищ и думавшей, что суда могут упасть за край мира; волнения, грозящие перерасти в мятеж; историю подделки Колумбом судового журнала, чтобы команда пребывала в неведении о том, сколь далеко они заплыли в области, где до них не бывал ни один человек; и, наконец, то, как мореплаватели, достигнув Америки, впервые увидели землю.

Богатейшим источником информации о первых контактах американских индейцев с европейцами являются сочинения Бартоломе де лас Касаса. В молодости в качестве священника он принял участие в завоевании Кубы. Его перу принадлежит перевод на испанский дневников Колумба, а уже в зрелом возрасте он создал пространную и яркую «Историю индейцев», в которой критиковал порабощение индейцев испанцами.

Первые попытки колонизации, предпринятые англичанами, потерпели неудачу. Первая такая колония была создана в Роаноке, на побережье Северной Калифорнии, в 1585 г.; колонисты – все до единого – пропали без вести, но и по сей день живы легенды о голубоглазых индейцах племени кроатан, живших в этих местах. Вторая колония – Джеймстаун, основанный в 1607 г., – оказалась более «стойкой». На долю колонистов выпали испытания голодом, они столкнулись с насилием, злоупотреблением властью. И тем не менее, литература этого периода рисует Америку в радужном свете – это страна богатств и открывающихся возможностей. Хроники колонизации прославились по всему свету. История освоения Ронаоке подробно описана Томасом Хэриотом в «Кратком и правдивом сообщении о вновь открытой земле Виргинии» (1588 г.). Сочинение Хэриота почти сразу же было переведено на латынь, французский и немецкий; этот украшенный гравюрами текст многократно переиздавался на протяжении двухсот с лишним лет.

Главная хроника, созданная в Джеймстауне – сочинения капитана Джеймса Смита, одного из руководителей поселенцев, – прямая противоположность точному, наукообразному отчету Хэриота. Неизлечимый романтик, Смит, видимо, сильно приукрасил свои приключения. Именно ему обязаны мы знаменитым рассказом о судьбе индианки Покахонтас. Эта история – независимо от того, является ли она фактом или вымыслом, – прочно укоренилась в представлении американцев о прошлом их страны. Капитан Смит рассказывает, как его, когда он попал в плен к индейцам, спасла Покахонтас, любимая дочь вождя Поухатана. Позже, когда под давлением англичан Поухатан был вынужден передать им Покахонтас в качестве заложницы, та своей добротой, умом и красотой завоевала их расположение и в 1614 г. вышла замуж за англичанина благородного происхождения Джона Рольфа. Этот брак положил начало восьмилетнему миру между колонистами и индейцами, обеспечив выживание новой колонии.

В XVII в. пираты, авантюристы и исследователи проложили путь второй волне колонистов, ехавших в Аме-

рику с женами, детьми, сельскохозяйственным инвентарем и ремесленными инструментами. Ранние памятники литературы времен освоения Америки: дневники, письма, путевые заметки, судовые журналы и отчеты, которые исследователи направляли организаторам экспедиций – европейским монархам или же, если речь шла о купцах Англии и Голландии – акционерным компаниям, – постепенно вытеснялись хрониками самих колоний. Поскольку со временем североамериканские колонии перешли под власть Англии, наиболее известна и наиболее широко представлена колониальная литература на английском языке. Но так как на XX век приходится расцвет литератур американских меньшинств, а американская жизнь приобретает все более поликультурный характер, современные ученые заняты переоценкой подхода к смешанному этническому наследию континента. И хотя в нашей истории американской литературы мы обращаемся теперь к английской документалистике, важно отдавать себе отчет в том, что у ее истоков стоят самые разные культурные традиции.

ЛИТЕРАТУРА НОВОЙ АНГЛИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Ио всей видимости, пуритане были самыми интеллектуальными колонистами за всю историю человечества. В период между 1630 и 1690 г. в северо-восточной части США, так называемой Новой Англии, насчитывалось столько же выпускников университетов, сколько и в метрополии – факт совершенно поразительный, если принять во внимание, что наиболее образованными людьми того времени были аристократы, несклонные рисковать жизнью и отправляться в дикую страну. Пуритане, обязанные всем, что они имеют – нередко и образованием, – лишь собственным усилиям, были благородным исключением. Они стремились к образованию, ибо оно позволяло понять и исполнить Господню волю – а основание колоний в Новой Англии было ее проявлением.

Хороший текст в пуританском понимании – текст, который доносит до читателя, сколь важно поклоняться Богу и осознавать соблазны, грозящие душе в ее земном странствии. Пуританская литература стилистически очень разнообразна: это и сложная метафизическая поэзия, и домашние дневники, и до невыносимости педантичные образцы религиозной истории. Но, каковы бы ни были жанр и стиль этих произведений, в них присутствуют некоторые постоянные темы. Жизнь воспринимается как испытание; проступок ведет к вечному проклятию и в адское пламя, тогда как успех на жизненном поприще вознаграждается небесным блаженством. Мир воспринимается как арена непрестанной борьбы сил Бога и сил Сатаны, этого грозного врага, имеющего множество личин. Многие пуритане экзальтированно ожидали прихода «тысячелетнего царства Божия», когда Иисус вернется на Землю и положит конец страданиям человечества, установив на 1000 лет мир и процветание.

Ученые уже давно указали на связь между пуританизмом и капитализмом: в их основе лежат сходные представления о честности, необходимости тяжелого труда и напряженных усилий, ведущих к успеху. Хотя пу-

ританин на личном уровне не мог знать, будет ли он, пользуясь строгой теологической терминологией, «спасен» и избран, дабы войти в небесную обитель, пуритане склонны были рассматривать успех как знак избранности. Богатство и положение в обществе ценились не только ради них самих, но также как желанный залог духовного здоровья и обещание жизни вечной.

Более того, эта концепция избранничества поддерживала стремление к преуспеваю. Пуритане все вещи и события истолковывали символически, наделяя их глубоким духовным значением, и считали, что, заботясь о росте личных доходов и состоянии их общины, они также способствуют исполнению божьего промысла. Они не делали различий между мирской и религиозной сферами: все в жизни было лишь выражением воли Божьей – позже эти верования возродятся в трансцендентализме в несколько измененном виде.

Описывая самые обычные события так, чтобы проступало их духовное значение, пуританские авторы, как правило, делали отсылки на Библию, указывая соответствующую главу и стих. История была символической религиозной панорамой, а ее целью – триумф пуритан над Новым Светом и Царство Божие на земле.

Первые пуританские колонисты, поселившиеся в Новой Англии, – лучший пример того, сколь серьезно было христианство Реформации. Известные под именем «Пилигримов», они представляли из себя небольшую группу верующих, эмигрировавших в 1608 г., во времена религиозных гонений, из Англии в Голландию, еще тогда славившиеся своей религиозной терпимостью.

Как и большинство пуритан, они истолковывали Библию буквально. Они действовали в соответствии со словами, почерпнутыми из Второго послания к коринфянам: «И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь» (2 Кор. 6, 17). Разочаровавшись в возможности очистить англиканскую церковь изнутри, «сепаратисты» основывали подпольные церкви «кованантеров», члены которых приносили клятву верности религиозному союзу, а не королю. Часто члены таких общин рассматривались как предатели короля и еретики, проклятые и обреченные аду, и подвергались преследованиям. Отделение их от англиканской церкви в конечном счете привело их в Новый Свет.

Уильям Брэдфорд (1590–1657 гг.)

Вскоре после прибытия «сепаратистов» в Америку Уильям Брэдфорд был избран поселенцами Плимута – колонии в бухте Массачусетс – их губернатором. Он был глубоко религиозным человеком, постигшим многие науки самостоятельно, выучившим несколько языков, включая иврит, с тем, чтобы «своими глазами видеть древние пророчества Господа в их первоизданной красоте». То, что он эмигрировал в Голландию и был в числе первопоселенцев, прибывших в Плимут на корабле «Мэйфлауэр», так же как и то, что он исполнял обязанности губернатора, сделало его идеально подходящим для роли первого историка колонии. Созданная им хроника – «История поселения в Плимуте» (1651 г.) – ясное и захватывающее повествование о том, как зарождалась колония. Его описание первых впечатлений от Америки известно едва ли не каждому:

«Преодолев безбрежный океан и море бедствий ... не обрели они ни радушной дружеской встречи, ни постоянного двора, где можно отдохнуть и освежить истерзанные бурями тела; ни крова, ни единого обиталища, где можно произвести ремонт или рассчитывать на помощь... дикие варвары... если и преисполненные готовности к чему-либо, то к тому лишь, чтобы осыпать прибывших стрелами. Следует принять во внимание, что стояла зима, и те, кто ведает, какковы в этой стране зимы, знают, сколь жестоки они и люты, им сопутствуют злые и яростные шторма – и все это предстало перед ними во всей своей суровости, и вся страна – сплошь чащобы и заросли – простерлась перед ними, дикая и первобытная».

Брэдфордом записан и первый документ, касающийся самоуправления английских колоний в Новом Свете – «Мэйфлауэрское соглашение», составленное пилигримами еще во время плавания. Соглашение предвосхитило Декларацию независимости, появившуюся спустя полтора века.

Пуритане порицали такие светские развлечения, как танцы или игра в карты, ассоциировавшиеся с аристократами-безбожниками и аморальной жизнью. Чтение или сочинение «развлекательных» книг также попадало в эту категорию. Пуританские мыслители направили всю свою неистовую энергию на документалистику и религиозные жанры литературы: поэзию, проповеди, богословские трактаты и исторические сочинения. Написанные ими дневники и размышления отражают богатую внутреннюю жизнь этих сильно чувствующих и внимательных к своим переживаниям людей.

Анна Брэдстрит (ок. 1612–1672 гг.)

Первый опубликованный в Америке сборник стихов был также и первой в истории американской литературы книгой, написанной женщиной – Анной Брэдстрит. В том, что книга вышла в Англии, нет ничего удивительного – следует учитывать отсутствие печатного оборудования в американских колониях в первые годы их развития. Анна Брэдстрит, дочь графского управляющего, родилась и получила образование в Англии. Семья эмигрировала в Америку, когда Анне было 18 лет. Муж ее впоследствии стал губернатором колонии в бухте Массачусетс, со временем выросшей в большой город – Бостон. Сама она более всего ценила принадлежащие ее перу пространные религиозные поэмы на общепринятые сюжеты: времена года и т.п., тогда как современным читателям скорее нравятся ее остроумные стихи на темы повседневной жизни и проникнутые любовью и теплотой стихи, обращенные к мужу и детям. Вдохновение она черпала в стихах английских поэтов-метафизиков, и в сборнике ее стихов «Десятая муза» (1650 г.) прослеживается влияние Эдмунда Спенсера, Филиппа Сидни и других английских поэтов. Она часто прибегает к причудливым и весьма пространным метафорам. В стихах «К моему дорогому и любящему мужу» (1678 г.) использованы образы восточной поэзии, любовная тема и столь популярные в европейской литературе ряды сравнений, однако заключительные строфы придают всей поэме религиозную окраску:

И если двое, как велит Господь,
Составили когда едину плоть, –
То это мы; и если был любим
Женою муж – он мужем был моим;
И если с мужем счастлива жена, –
Со мной сравнится ль, женщины! она?
Груд золота твоя любовь ценней
И всех богатств Востока мне нужней:
Не остудить водой любви моей
И не прельстить любовью – не-твоей.
Твою любовь, что ныне неоплатна,
Пусть Небеса вознаградят стократно.
Так будем столь верны, пока живем,
Чтоб, жизнь свершив, жить в вечности
вдвоем.

(Пер. И. Ковалевой)

Эдвард Тейлор (ок. 1644–1729 гг.)

Как Анна Брэдстрит, да и все остальные писатели Новой Англии на раннем этапе развития колоний, Эдвард Тейлор – пылкий, яркий поэт и священник – родился в Англии. Сын йомена – независимого фермера, владевшего собственной землей, – Тейлор, будучи преподавателем, предпочел в 1688 г. отправиться в Новую Англию, чем присягнуть на верность англиканской церкви. Образование он получил в Гарвард Колледж и, подобно большинству священников, учившихся в этом учебном заведении, знал греческий, латынь и иврит. Религиозный, преисполненный самозабвения, Тейлор действовал как миссионер, принимая на себя обязанности священника в пограничном городишке Вестфилд, Массачусетс, окруженном лесами и расположенном в 160 км от ближайшего поселения. Это служение стало делом его жизни. Тейлор был самым образованным человеком в округе и использовал свои знания, исполняя роль священника, врача и играя важную роль в жизни города.

Скромный, религиозный, всецело погруженный в работу, Тейлор не публиковал своих стихов – они были обнаружены лишь в 30-е гг. нашего века. Сам он, без сомнения, усмотрел бы в этом волю Провидения; современные читатели должны быть признательны за то, что они имеют возможность ознакомиться с его стихами, которые принадлежат к лучшим образцам поэзии XVII века, созданными в Северной Америке.

Тейлор писал самые разнообразные стихи: элегии на смерть различных лиц, лирические стихотворения, средневековые «споры», ему же принадлежит и 500-страничная «История христианства в стихах» (главным образом, история мучеников). Лучшими же его творениями современные критики считают ряд коротких пригласительных медитаций.

Михаэль Вигглсуорс (1631–1705 гг.)

Михаэль Вигглсуорс, который, как и Тейлор, родился в Англии, получил образование в Гарварде и совмещал обязанности пуританского священника с занятиями медициной, является третьим поэтом Новой Англии, достойным упоминания. В своем самом известном произведении «Судный день» (1662 г.) он продолжает развитие чисто пуританских тем. Эта вещь – пространная поэма, часто срывающаяся на уровень неуклюжего риф-

моплетства, вселяющая ужас популяризацией кальвинистского учения, — была самым читаемым поэтическим произведением, написанным в колониальный период. Первый американский бестселлер балладным размером изображал отталкивающую картину адского проклятия.

Это чудовищная поэзия — но она всем пришлось по вкусу. Поэма соединила захватывающий динамизм романа ужасов с авторитетом Жана Кальвина. На протяжении двух столетий люди заучивали наизусть этот огромный устрашающий памятник религиозному ужасу; дети с гордостью читали вслух отрывки из поэмы, а взрослые цитировали ее в повседневном обиходе. И, на самом деле, от ужасных наказаний, описанных в поэме, лишь один шаг до призрачной раны, что наносит себе жестокий пуританский священник Артур Диммесдейл из романа Натаниэля Готорна «Алая буква», (1850 г.) или увечного капитана Ахава из мелвилловского «Моби Дика» (1851 г.) — новоанглийского Фауста, чья погоня за запретным знанием ведет к тому, что корабль американского гуманизма скрывается под водой. («Моби Дик» был любимым романом американского писателя XX в. Уильяма Фолкнера, чьи глубокие, проникнутые тревогой произведения свидетельствуют о том, что мрачное, метафизическое видение мира, свойственное протестантской Америке, вовсе не исчерпало все свои возможности).

Как и вся колониальная литература в целом, стихи, написанные первыми литераторами Новой Англии, имитировали форму и технику поэтов метрополии, хотя религиозная страстность и частые аллюзии на Библию, так же как и новые повороты мысли, придавали некоторую специфичность текстам, созданным в Новой Англии. Следует учитывать и то, что писатели Нового Света до изобретения скоростного транспорта и электронных средств коммуникации жили в своеобразной изоляции, а потому подражали образцам, которые для английской литературы были уже пройденным этапом. Так, Эдвард Тейлор, лучший из американских поэтов той эпохи, писал в стиле поэтов-метафизиков, уже вышедших в Англию из моды. И одновременно — стихи Тейлора тому пример — культурная изоляция привела к появлению ярких и ни на что не похожих сочинений.

Порой возникает впечатление, что писатели из колоний даже не подозревали о существовании таких великих английских авторов, как Бен Джонсон. Иные из колониальных писателей отвергали английских поэтов, придерживающихся иного вероисповедания, тем самым отрезая себя от лучших образцов лирики и драмы, созданных на английском. И, к тому же, многие из живущих в колониях пребывали в невежестве в силу нехватки книг.

Главным образцом стиля, исповедания веры и жизненного поведения была Библия в авторизованном английском переводе, который устарел уже к моменту ее издания. Древность Библии, книги, которая намного старше римско-католической церкви, придавала ее тексту особый авторитет в глазах пуритан.

Пуритане Новой Англии особо чтит ветхозаветные повествования о судьбах еврейского народа, считая, что, подобно евреям, они претерпевают преследования за веру, они — единственные, кто исповедует ис-

тинного Бога, и они — избранные, кому дано основать Новый Иерусалим — рай на Земле. Пуритане проводили осознанную параллель между древним Израилем Ветхого Завета и своим бытием. Моисей вывел израильтян из плена египетского, он с Божьей помощью заставил расступиться Красное море, так что его народ смог уйти от преследователей, и он же получил от Господа закон в форме Десяти заповедей. Руководители пуритан считали, что они спасли свой народ от духовного разложения, которое грозило ему в Англии, чудесным образом, с Божьей помощью, переправились через морскую пустыню, и, исполняя Господню волю, устанавливают новые законы и новые формы управления.

Замкнутый мир колоний имел тенденцию к архаике, и Новая Англия не была тут исключением. Пуритане Новой Англии тяготели к архаике в силу осознанного выбора, убеждений и волею обстоятельств.

Сэмюэл Сьюолл (1652–1730 гг.)

По сравнению с возвышенной религиозной поэзией, переполненной аллюзиями на Библию, мемуарно-исторические сочинения, описывающие реальные события и полные занимательных подробностей, — чтение более легкое. «Дневник» (1790 г.) губернатора Джона Уинтропа — лучший источник сведений по ранней истории колонии в бухте Массачусетс и политической теории пуритан.

«Дневник» Сэмюэла Сьюолла, охватывающий период с 1674 по 1729 г., написан живо и увлекательно. Сьюолл соответствует тому же образу писателя, сформированному на заре новоанглийской литературы, который мы видим в Брэдфорде и Тейлоре. Сьюолл родился в Англии и был привезен в колонии ребенком. Окончив Гарвард, он поселился в окрестностях Бостона, занимаясь юридической, административной и религиозной деятельностью.

Сьюолл родился достаточно поздно, и переход от строгой религиозной жизни ранних пуритан к коммерческому процветанию колоний Новой Англии при янки, гораздо более открытых миру, происходил на его глазах; и его «Дневник», часто сравниваемый с дневником англичанина Сэмюэла Пеписа, написанным в те же годы, — почти непреднамеренно фиксирует эти изменения.

Подобно дневнику Пеписа, текст Сьюолла является подробной записью повседневной жизни автора, отражающей его стремление к праведной и достойной жизни. Так, автор упоминает о незначительных покупках сладостей для женщины, за которой он ухаживал, и тут же размышляет, насколько они не соответствуют аристократическому и дорогостоящему образу жизни, который он ведет, нося парик и разъезжая в карете.

Мэри Роулэндсон (ок. 1635– ок. 1678 гг.)

Первая из женщин-прозаиков, Мэри Роулэндсон, жена священника, оставила нам ясное, живое описание своего 11-недельного пребывания в индейском плену во время резни, учиненной индейцами в 1676 г. Эта книга, вне всякого сомнения, способствовала раздуванию антииндейских настроений, так же как и «Выкупленный из плена» (1707 г.) Джона Уильямса, где описано двухлетнее пребывание автора в плену у французов и ин-

дейцев после учиненного теми побоища. Такого рода сочинения, выходявшие из-под пера женщин, как правило, представляли собой бытовые записки и не требовали от автора специального образования. Можно говорить о том, что женская литература этого периода – благодаря присущим ей бытовому реализму и житейской мудрости – смотрится выигрышнее, чем многие писания современников; и, конечно же, сочинения вроде увлекательного «Дневника» (1825 г.) Сары Кембл Найт, повествующего о ее бесстрашном путешествии в одиночку из Бостона в Нью-Йорк и обратно, удачно избегают барочной сложности писаний пуританских авторов.

Коттон Мэзер (1663–1728 гг.)

История литературы колоний Новой Англии будет неполной без упоминания ученого педанта Коттона Мэзера. Третий отпрыск династии Мэзеров, на протяжении четырех поколений живших в бухте Массачусетс, он написал на протяжении своей жизни в Новой Англии свыше 500 книг и памфлетов. «Великие деяния Христа в Америке» (1702 г.) – наиболее претенциозная работа, вышедшая из под его пера, – является исчерпывающей историей поселений в Новой Англии, изложенной в форме биографий. Огромная книга повествует о святой миссии пуритан, отправившихся в пустыню, чтобы основать Царствие Божие; структурно она построена как сменяющие друг друга повествования о жизни «американских святых». Помпезность этого труда в какой-то мере искупается рвением его создателя: «Я пишу о чудесах христианской религии, притесняемой в Европе и бежавшей к берегам Америки».

Роджер Вильямс (ок. 1603–1683 гг.)

По мере того, как XVIII век приходил на смену XVII, религиозный догматизм шел на убыль, несмотря на спорадические судорожные попытки пуритан противостоять терпимости, все более характерной для общества. Священник Роджер Вильямс пострадал за свои религиозные убеждения. Сын портного, англичанин по происхождению, он был изгнан из Массачусетса в самый разгар свирепой зимы 1835 г. Втайне извещенный губернатором Массачусетса Джоном Уинтропом о готовящейся расправе над ним, Вильямс выжил лишь благодаря тому, что пристал к индейцам; в 1836 г. он основал новую колонию на Род-Айленде – здесь с радостью принимали поселенцев самых различных исповеданий.

Выпускник Кембриджского университета (Англия), он сохранил сочувствие к рабочему люду и терпимость к иным взглядам. Его идеи опередили свое время. Он был одним из первых критиков империализма и настаивал на том, что европейские монархи не имеют ни малейшего права распоряжаться американскими землями, ибо те принадлежат индейцам. Вильямс исповедовал необходимость отделения церкви от государства – один из принципов, лежащих в основании сегодняшней Америки. Он утверждал, что суды не вправе приговаривать людей к наказанию, если речь идет о вопросах веры, – подрывая тем самым позиции новоанглийской теократии. Поклонник равенства и демократии, он всю свою жизнь был другом индейцев. Среди многочисленных сочинений Вильямса есть и англо-индейский раз-

говорник – «Ключ к американскому языку» (1643 г.) – одна из первых книг такого рода. Это сочинение содержит также зачаточные сведения по этнографии, давая краткие описания быта индейцев, основанные на собственном опыте автора, жившего среди них. Каждая глава посвящена какой-то одной теме: пище и связанным с ней ритуалам и т.п. Индейские слова и фразы, имеющие отношение к данной теме, помещены вперемежку с комментариями, историями из жизни, венчает же главу стихотворение. Так, в конце первой главы мы читаем:

Коли природы косной сын,
чей нрав – кроток и дик,
Знаком с законами добра
и вежество постиг,
Господни дети, мы, должны
Алкать любви и доброты.

(Пер. А. Нестерова)

В главе, посвященной словам, связанным с увеселениями, мы встречаем следующий комментарий: «Странно признаться в том, что в среде этих варваров обретаешь больше отрады и отдохновения, нежели пребывая в обществе тысяч и тысяч тех, кто называет себя христианами».

Жизнь Вильямса вызывает почтительное восхищение. Посетив Англию во время кровопролитной Гражданской войны, он, опираясь на свой опыт выживания в холодном климате Новой Англии, организовал доставку дров беднякам Лондона, когда зимой те оказались отрезаны от районов, снабжающих город углем. Им написано не одно яркое сочинение в защиту религиозной терпимости – не только по отношению к различным христианским сектам, но и к иным вероисповеданиям. «Таковы воля и заповедь Господа нашего, чтобы всем людям и каждому в народе его позволено было исповедовать язычество ли, иудаизм, турецкую ли веру или антихристианские убеждения и поклоняться в соответствии с этим...», писал он в сочинении «Кровавый догмат преследования» (1644 г.). Многим в своей мудрости он обязан опыту жизни в иной культуре, среди индейцев, отличающихся милосердием и человечностью.

Культурное влияние в колониях носило взаимный характер. Джон Элиот, например, перевел Библию на язык племени наррагансетов. Некоторые индейцы перешли в христианство. Даже сегодня Церковь коренных американцев исповедует смесь христианства с традиционными индейскими верованиями.

Дух терпимости и религиозной свободы, постепенно выработавшийся в американских колониях, берет свое начало на Род-Айленде и в Пенсильвании, пристанище квакеров. Проникнутые терпимостью и человеколюбием квакеры, или, как их еще называли, «друзья», верили, что всякое индивидуальное сознание освящено Духом, и в этом видели ключ к социальному порядку и морали. В основе исповедания квакеров лежали вера во вселенскую любовь и братство, и это делало их глубоко демократичными и не приемлющими любые догматичные религиозные авторитеты. Изгнанные из косного Массачусетса, где побаивались их влияния, квакеры, под предводительством Вильяма Пенна в 1681 г. осно-

вали свою колонию – Пенсильванию, развивавшуюся крайне успешно.

Джон Вульман (1720–1772 гг.)

Самым известным из сочинений квакеров являются пространные «Записки» (1774 г.) Джона Вульмана, повествующие о перипетиях внутренней жизни автора простым, искренним стилем, который отличает редкая благозвучность, удостаивавшаяся похвал многих американских и английских писателей. Этот выдающийся человек оставил комфортабельный дом в городе, чтобы жить среди индейцев, в окружении дикой природы, ибо полагал, что у них есть чему научиться и готов был к восприятию их представлений. Сам он пишет просто о желании «почувствовать и понять их жизнь, Дух, в котором та протекает». Естественным образом любовь Вульмана к справедливости привела его к критике общества: «Я увидел, что многие белые люди часто продают индейцам ром, что, я верю, есть величайшее зло».

Вульман был также одним из первых писателей, протестовавших против рабства. Он опубликовал два эссе: «Некоторые размышления о положении негров», в 1754 и 1762 гг. соответственно. Пылкий гуманист, он следовал путем «пассивного повиновения» властям и законам, которые он считал несправедливыми, на несколько поколений предвосхищая идеи Генри Дэвида Торо, изложенные в его знаменитом эссе «Гражданское неповиновение» (1849 г.).

Джонатан Эдвардс (1703–1758 гг.)

Джонатан Эдвардс был полной противоположностью Джону Вульману. Он родился на 17 лет раньше выдающегося квакера. Вульман, фактически, не имел формального образования; Эдвардс был высокообразованным человеком. Вульман действовал, подчиняясь внутреннему озарению; Эдвардс связал свою жизнь с правом и властями. Оба были прекрасными писателями, но при этом они стоят как бы на противоположных полюсах религиозного опыта колоний.

Обостренное чувство долга и строгое пуританское окружение привели к тому, что Эдвардс встал на защиту кальвинизма в его суровом и бескомпромиссном виде от постепенно расцветавшего в то время либерализма. Более всего Эдвардс известен как автор исполненной силы и священного ужаса проповеди «Грешники в руках разгневанного бога» (1741 г.):

«Оставь Бог попечение о вас, и тут же вас ждет падение, низвержение во грех, погружение в пропасть бездонную... Никто иной, как Господь, удерживает вас над жерлом адским, как удерживают над пламенем паука или иное насекомое, чей самый вид отвратителен – так же отвратительны Ему вы, которые испытуете Его терпение... ведь в Его глазах вы ничто и достойны того лишь, чтобы отшвырнуть вас в бездну».

Проповеди Эдвардса производили на паству глубочайшее впечатление, заставляя прихожан истерически рыдать. Однако их длительное воздействие было противоположным – гротескная жестокость проповедей

отталкивала паству от кальвинизма, который Эдвардс столь доблестно защищал. Догматичные, в духе средневековья проповеди Эдвардса уже не соответствовали укладу жизни колонистов в XVIII в., познавших относительный мир и процветание. После Эдвардса свежие, либеральные настроения, отличающиеся веротерпимостью, набирают силу.

ЛИТЕРАТУРА КОЛОНИЙ ЮГА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КОНТИНЕНТА

Литература Юга накануне революции отличалась аристократическим и светским характером, отражая доминирующую социальную и экономическую систему южных плантаций. Первые английские колонисты отправлялись в южные колонии не столько в поисках религиозной свободы, сколько привлеченные открывающимися здесь экономическими возможностями.

Хотя множество южан были бедными фермерами или торговцами, влачившими существование, мало чем отличающееся от доли рабов, образованный высший класс Юга сформировался под воздействием классического, восходящего к Старому Свету идеала благородного землевладельца-джентри, осуществление которого было возможно благодаря рабству. Институт рабства освобождал богатых белых южан от физического труда, позволяя жить в роскоши и реализовать мечту об аристократической жизни в окружении дикой американской природы. Ценности, которым пуритане придавали такое значение, – упорный труд, образование, честность – были здесь непопулярны, зато превозносились верховая езда и охота. Церковь была центром жизни благородных слоев общества, а не собранием, выносившим приговор малейшему душевному движению кого-либо из членов общины.

Уильям Бирд (1674–1744 гг.)

Идеал благородного джентльмена стал тем центром, вокруг которого формировалась вся культура Юга. Этот идеальный человек мыслился некой фигурой эпохи Возрождения; наделенный всеми правами феодального господина, он должен был равно преуспевать в управлении имением и в чтении греческих авторов в подлиннике.

В знаменитом письме 1726 г., отправленном английскому знакомому – Чарльзу Бойлу, графу Оррери, Уильям Бирд так описывает исполненный изящества образ жизни у себя на плантации Вестоувер:

«Кроме такого преимущества, как чистый воздух, мы в изобилии располагаем всяческой провизией, которая нам ничего не стоит (под «мы» я имею в виду владельцев плантаций). Семейство мое весьма велико, а двери дома открыты для всех и каждого – и при этом нет необходимости платить по счетам; полукрона может месяцами лежать в кармане моего камзола, прежде чем я извлеку ее за какой-либо надобностью.

Я подобен какому-нибудь патриарху: у меня свой крупный и мелкий скот, свои рабы и рабыни, мои слуги торгуют друг с другом в пределах моего имения; таким вот образом я живу, ни от кого не завися, лишь Провидение властно надо мной».

Уильям Бирд в паре абзацев выразил самый дух джен-три из южных колоний. Унаследовав 1040 гектаров земли, он расширил свои владения до 7160 гектаров. Он был купцом, торговцем, плантатором. Его библиотека, насчитывающая 3600 томов, была самым богатым книжным собранием на Юге. Живость ума проявилась у него еще в детстве, поэтому отец позаботился о том, чтобы сын получил образование в лучших учебных заведениях Англии и Голландии. Он был представлен ко французскому двору, состоял членом Королевского общества, дружил с самыми известными писателями Англии, в частности, с Уильямом Уичерли и Уильямом Конгривом. Его лондонские дневники являют собой полную противоположность запискам пуритан Новой Англии: Бирд мас-су внимания уделяет модным обедам, блестящим приемам, флирту с женщинами – и почти не занят наблюдениями за своей душой.

Ныне Бирд известен прежде всего своей «Историей пограничной линии» – это дневник 1729 г., рассказывающий о растянувшейся на несколько недель поездке вглубь континента – путешественники отделились от побережья на 960 км – с тем, чтобы точнее определить пограничную линию, разделяющую Вирджинию и Северную Каролину. Беглые зарисовки дикой природы, встреч с индейцами, наполовину одичавшими белыми, дикими животными и описание всевозможных трудностей, с которыми пришлось столкнуться цивилизованному джентльмену, делают эти путевые записки очень американской и очень южной по духу книгой. Он насмеяется над первыми вирджинскими колонистами: «Числом их около ста, и большинство из них – отпрыски благородных кровей, пришедшиеся дома не ко двору», подшучивает над жителями Джеймстауна, которые, «как истинные англичане, выстроили церковь, цена которой вряд ли более 50 фунтов, и таверну стоимостью 500 фунтов». Сочинения Бирда – прекрасный пример очарованности южан материальным миром: в них говорится о землях, индейцах, растительности, животных и поселенцах.

Роберт Беверли (ок. 1673–1722 гг.)

Роберт Беверли, богатый плантатор, как и Бирд, написал «Историю и настоящее штата Виргиния» (1705, 1722 гг.), воссоздающую прошлое колонии. Книга написана энергичным, простым и ясным стилем. Как и Бирд, автор восторгается индейцами и мимоходом рассказывает о странных предрассудках европейцев, касающихся Виргинии – так, они убеждены, «что все, приехавшие в эту страну, превращаются в негров». Он отмечает чрезвычайное гостеприимство южан – черту, сохранившуюся в них до сего дня.

Юмористические сатиры, бичующие, призвав на помощь иронию, мудрость или насмешку, людские глупости и пороки, – не редкость в литературе колониального Юга. Так группа разгневанных поселенцев создает

памфлет «Истинное историческое повествование о колонии Джорджия» (1741 г.), направленный против генерала Джеймса Олеторпа, основателя благотворительного общества в Джорджии. Они притворно превозносят его за то, что он держит население в нищете, заставляя его трудиться до изнеможения, так что жители вынужденно развивают в себе «столь ценную добродетель, как смирение», и остерегаются «желать чего-либо большего».

Озорная сатирическая поэма «Хмельной торговец табаком» высмеивает нравы колонии Мэриленд. Автор поэмы, англичанин Эбнезер Кук пытался заняться в Мэриленде торговлей табаком, но потерпел фиаско. Кук с вдохновенным юмором описывает косность местной жизни и обвиняет колонистов в том, что они надували его. Поэма заканчивается яростным проклятием: «Господень гнев да обратит в пустыню эти земли, / где всяк мужчина плут, а женщины все – ведьмы».

Рассматривая литературу колониального Юга как целое, легко проследить ее связь с галантной, реалистичной, открытой мировым влияниям и тяготеющей к информативности традицией. Подражая английской литературной моде, южане достигли непревзойденных высот в том, что касается точного и меткого описания своеобразных условий Нового Света.

Олаудах Эквиано (Густавус Васса) (ок. 1745–ок. 1797 гг.)

В колониальный период сформировалось несколько крупных писателей негритянского происхождения, среди них – Олаудах Эквиано и Джупитер Хэммон. Эквиано, принадлежащий к народу ифо и родившийся в Нигере (Западная Африка), был первым из американских негров, написавших автобиографию, – «Занимательное повествование о жизни Олаудаха Эквиано, или Густавуса Вассы» (1789 г.). В этой книге – самом раннем произведении повествовательного жанра, вышедшем из-под пера раба, – Эквиано рассказывает о своей родине, ужасах и жестокостях плена и рабства в Вест-Индии. Обращенный в христианство, Эквиано сетует на жестокое «нехристианское» обращение с ним – этот мотив будет звучать у афро-американских авторов на протяжении столетий.

Джупитер Хэммон (ок. 1720–ок. 1800 гг.)

Черный американский поэт Джупитер Хэммон, раб из Лонг-Айленда, штат Нью-Йорк, известен своими религиозными стихами и «Обращением к неграм штата Нью-Йорк» (1787 г.), в котором он отстаивает требования освобождения детей рабов, протестуя против того, чтобы они по наследству получали от своих родителей статус рабов. Его поэма «Вечерние размышления» была первым стихотворным произведением, опубликованным в Америке негром.